

ОТНОШЕНИЕ

ПРИДНѢПРОВСКИХЪ ГОРОДОВЪ

къ

ВАРЯЖСКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ,

ПРИШЕДШИМЪ ИЗЪ НОВГОРОДА,

ДО ВЗЯТІЯ КІЕВА ВЪ 1171 ГОДУ ВОЙСКАМИ БОГОЛЮБСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ
И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

И. Бѣляева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

По опредѣленію Общества. Москва. Марта 27-го, 1848 года.

Секретарь О. Бодянский.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

ОТНОШЕНІЕ

ПРИДНѢПРОВСКИХЪ ГОРОДОВЪ

къ

ВАРЯЖСКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ,

ПРИШЕДШИМЪ ИЗЪ НОВГОРОДА ,

ДО ВЗЯТІЯ КІЕВА ВЪ 1171 ГОДУ ВОЙСКАМИ БОГОЛЮБСКАГО.

Приднѣпровскіе города Руси принадлежали различнымъ Славянскимъ племенамъ; нѣкоторыя изъ племенъ передъ приходомъ Варяжскихъ Князей пользовались независимостію; таковы были Древляне и частію Кривичи; другіе же платили дань Казарамъ, на примѣръ, Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Сильнѣйшими и богатѣйшими изъ городовъ этого края были: Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, Переяславль; о нихъ уже знали въ Греціи, съ которою они вели торговлю; бѣднѣйшими же и незначительными были города и селенія Древлянъ, Радимичей и Вятичей, и частію Сѣверянъ, которыхъ и ближайшіе сосѣди считали полузвѣрьми; такъ Несторъ, описывая нравы различныхъ племенъ, говоритъ: «А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски... и Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь.» (Лавр. стр. 6).

Когда пришли въ эту сторону Варяжскіе Князья, вышедшіе изъ Новгорода, то богатѣйшіе и сильнѣйшіе Приднѣпровскіе города, не оказали имъ никакого сопротивленія; при занятіи этихъ городовъ въ летописи нѣтъ и помину о битвахъ. Такъ о занятіи Оскѣльдомъ и Диромъ Кіева сказано: «Идучи мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрошаста, рѣста: чій се градокъ? Они же рѣша: быма суть три братья, Кій, Щекъ и Хоривъ, иже съдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы съдимъ, платяче дань ро-

домъ ихъ Козаромъ. Оскольдъ же и Диръ остаѣта въ градъ семъ, и многи Варяги скуписта, и начаста владѣти Польскою землею.» (Лавр. 9.). Черезъ 19 лѣтъ по пути Аскольда и Дира пошелъ Олегъ; о его походъ Несторъ говоритъ: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи.... и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой, оттуда поиде внизъ, и взя Любечъ, и посади мужъ свой. Придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита,.... и убиша Оскольда и Дира, несоша на гору и погребоша ѣ на горѣ..... Съде Олегъ въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ Рускимъ.» (Тамъ же 10.) О занятіи же Чернигова и Переяславля лѣтописъ даже не упоминаетъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что и сіи города признавали Олега своимъ Княземъ, ибо они упоминаются въ договорахъ его съ Греками, наравнѣ съ Любечемъ и Кіевомъ. Такимъ образомъ Несторъ ясно свидѣтельствуеетъ, что сильнѣйшіе и богатѣйшіе города Приднѣпровья не были завоеваны Варяжскими Князьями, а сами приняли ихъ по взаимному согласію на какихъ либо обоюднo выгодныхъ условіяхъ, конечно, не столь стѣснительныхъ для Князя, какъ въ Новгородѣ, который самъ приглашалъ Князей и предлагалъ имъ условія; здѣсь, разумѣется, Князь былъ уже болѣе, или менѣе самовластенъ, но тѣмъ не менѣе и города имѣли свой голосъ, и нѣкоторымъ образомъ удерживали свою самостоятельность. Настоящія же завоеванія Варяжскихъ Князей начались не раньше, какъ они утвердились въ богатѣйшихъ Приднѣпровскихъ городахъ по взаимному согласію съ жителями, и, безъ сомнѣнія, усилили свои пришлыя дружины туземными городскими ратьми, и именно, съ того времени, какъ Олегъ назвалъ Кіевъ матерью городовъ Рускихъ; тутъ уже и у Лѣтописца начинается ясное свидѣтельство о битвахъ и завоеваніяхъ: «Въ лѣто 6391 поча Олегъ воевати Древляны, и примучивъ ѣ, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ. Въ лѣто 6392 иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нѣ дань легку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ печему. Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ, рѣка: кому дань даете? они же рѣша Козаромъ. И рече Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте, и въдаша Ольгови по щягу, яко же Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Уличи и Тиверци имаше рать.» (Тамъ же 10). Вотъ здѣсь уже начались битвы и упорное сопротивленіе, которыя далеко не кончились при

Олеѣ: такъ Древяне воевали еще съ Игоремъ и Ольгою, а Радимичей рѣшительно покорилъ уже Владимиръ.

Послѣдующая исторія Приднѣпровья и сосѣднихъ краевъ еще очевиднѣе свидѣтельствуесть, что первые Приднѣпровскіе города, занятые Варяжскими Князьями, не были завоеваны; ибо Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и Переяславль, видимо покорные Князьямъ при началѣ, удерживаютъ свою самостоятельность и политическое значеніе до позднѣйшаго времени, и нерѣдко являются строитивыми и самовластными вѣчниками противъ Князей. Чисто же завоеванныя или покоренныя силою племена: Древяне, Радимичи, Вятичи и другіе, показавшіе сильное сопротивление при началѣ, почти въ слѣдъ за покореніемъ теряютъ всякое политическое значеніе, дѣлаются безмолвными данниками Князей и болѣе уже не показываются на поприщѣ исторической дѣятельности.

Итакъ отношеніе Варяжскихъ Князей къ главнымъ Приднѣпровскимъ городамъ не было отношеніемъ побѣдителей къ побѣжденнымъ; даже послѣ завоеванныя города и покоренныя силою племена не были завоеваніемъ однихъ Варяжскихъ Князей и ихъ дружины; въ немъ уже сильно участвовали города, принявшіе Князей по взаимному согласію; сѣм, будучи одинаковаго общиннаго свойства съ городами, покоряемыми вновь, препятствовали въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ развиваться чужеземному элементу, принесенному Князьями и ихъ пришлою дружиною. И это-то первоначальное отношеніе главныхъ городовъ Приднѣпровья къ пришедшимъ туда Варяжскимъ Князьямъ, и сильное участіе ихъ въ княжескихъ завоеваніяхъ и походахъ дало всей Русской исторіи особый характеръ, рѣзко отличающій ее отъ исторіи другихъ государствъ Европы, которыя почти всѣ основаны завоевателями, и гдѣ первоначальныя отношенія между владѣтелями и народами состояли изъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ.

Чтобы яснѣе и въ большихъ подробностяхъ видѣть отношеніе Князей къ Приднѣпровскимъ городамъ, а также, чтобы прослѣдить, какъ оно постепенно развивалось или ослабѣвало съ продолженіемъ времени, я здѣсь пересмотрю всѣ факты (замѣченныя въ нашихъ летописяхъ), болѣе, или менѣе объясняющіе этотъ предметъ, и продолжу пересмотръ до завоеванія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

Первые факты, хотя сколько нибудь объясняющіе отношеніе Приднѣпровскихъ городовъ къ Князьямъ, встрѣчаются въ первыхъ, дошедшихъ до насъ, официальныхъ документахъ нашей исторіи, именно въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками. Въ первомъ же изъ этихъ договоровъ, заключенномъ подъ стѣнами Константинополя, городà: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ были сравнены съ Княжескою дружиною, и Олегъ назначилъ на нихъ уклады или дани отъ Грековъ; такимъ образомъ онъ какъ бы дѣлился съ ними военною добычею, и въ тоже время хлопоталъ о ихъ торговыхъ выгодахъ въ Греціи. Ежели бы города: сіи были чистымъ завоеваніемъ Олега, то, конечно, ему не зачѣмъ бы было дѣлиться съ ними и хлопотать объ ихъ торговль, какъ онъ и не заботился ни о Древлянахъ, ни о Радимичахъ, которыхъ, впрочемъ, таскалъ съ собою въ Греческій походъ, вѣроятно, по принужденію, т. е., какъ побѣдитель побѣжденныхъ, а не по взаимному согласію, какъ ходили Кіевляне, Черниговцы и Переяславцы. Во второмъ же договорѣ, заключенномъ въ 912 году, Послы Кіевскіе говорятъ Грекамъ, что они пришли заключить письменный мирный договоръ «похотѣнемъ нашихъ Князь и по повелѣнью, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.» (Лавр. стр. 14.) Здѣсь довольно ясно указывается, что Олегъ даже въ договорахъ съ иностраннымъ Дворомъ дѣйствовалъ не отъ одного своего лица, но *по хотѣнью всей Руси, иже подъ рукою его.* Слѣдовательно, народъ не лишенъ былъ своего политическаго значенія и не отказывался отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ. Русью здѣсь нельзя называть одну только дружину Олегову; ибо еще въ 882 году Кіевъ былъ названъ матерью городовъ Рускихъ; слѣдовательно, Русью называлось уже все Приднѣпровье, въ каковомъ значеніи она постоянно и принимается въ нашихъ лѣтописяхъ.

Объ участіи народа въ дѣлахъ общественныхъ еще яснѣе указываетъ Игоревъ договоръ съ Греками, заключенный въ 945 году, гдѣ послы, во 1-хъ, называютъ себя прямо посланными «отъ Игоря В. Князя Рускаго, и отъ всякоя Княжя, и отъ всѣхъ людій Рускія земля.» и во 2-хъ они же говорятъ: «И В. Князь нашъ Игорь и Боляре его и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ Царемъ Гречскимъ, створити любовь.» (Лавр. стр. 20).

Далѣе, договоры упоминаютъ о Рускихъ законахъ, которыми обезпечивались права личности и собственности семействъ и родовъ. Законы сии, во многомъ согласные съ позднѣйшими узаконеніями Руской Правды, служатъ вѣрнымъ выраженіемъ тогдашняго состоянія обществъ въ Приднѣпровьѣ, гдѣ утвердились Скандинавскіе Князья дружинники. Въ сихъ законахъ мы видимъ сильный перевѣсъ семейнаго или родоваго права надъ гражданскимъ: такъ, во 1-хъ, въ статьѣ объ убійствѣ явно дышитъ родовая мечь; убійца не спасался отъ нее даже бѣгствомъ, дѣло не считалось рѣшеннымъ, пока виновный не заплатитъ своимъ имѣніемъ, или головою; во 2-хъ, въ статьѣ о нанесенныхъ ранахъ, по закону Русскому виновный платитъ деньгами, и тѣмъ все кончается; общество тутъ не принимаетъ никакого участія; въ 3-хъ, статья о татѣбѣ выражена именно такъ, какъ она изложена въ Русской Правдѣ Ярославовыхъ дѣтей; въ ней замѣтно даже стремленіе общины ограничить права семейства: хозяинъ, поймавшій вора на дѣлѣ, не могъ убить его, ежели онъ дозволитъ взять себя безъ сопротивленія; только въ уступку семейному праву община здѣсь дозволяла хозяину, поймавшему, но, не убившему вора, взять съ него, кромѣ покраденной вещи, еще тройную ея цѣну. «Аще вѣдасть руць украдый да ять будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдасть то, еже смѣ створить, и створить трижды о семь.» Въ Русской Правдѣ этой тройной платы уже нѣтъ, а напротивъ положены разныя штрафы въ пользу Правительства. Такимъ образомъ эта статья служитъ яснымъ указаніемъ на ту степень развитія гражданственности, въ какой Олегова Русь въ X вѣкѣ была сравнительно съ Русью XII и XIII вѣковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на слабость вліянія Княжеской власти относительно внутреннихъ дѣлъ общины. Ежели бы Олегъ былъ самовластнымъ Государемъ, то конечно, виновный въ убійствѣ грабежѣ, и покражѣ принадлежалъ бы ему, а не обиженному семейству, какъ и было въ послѣдствіи, когда Княжеская власть успѣла болѣе развиться, на что указываютъ позднѣйшіе законы, гдѣ часто говорится: «и сему платити, что у него погибло, а Князю продажю.» Далѣе, наконецъ, въ договорахъ Олега помѣщена статья о наслѣдствѣ: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратитъ имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створитъ обряженіе, таковый възметъ уряженное его, кому будетъ писалъ наслѣдити

имѣнне, да наслѣдить е.» Законъ говоритъ, что если кто умрётъ безъ завѣщанія, не оставивъ своего семейства, то имѣніе его отдавалось его роду, *малымъ ближикамъ*. Здѣсь опять прямое свидѣтельство, что Княжеская власть въ Русскихъ городахъ еще не имѣла своего развитія, что Олегъ и его ближайшіе преемники не были полными владыками народа; ибо тогда бы подобное имѣніе принадлежало Князю, какъ и поставлено было закономъ Русской Правды XIII столѣтія, гдѣ сказано: «Аже умреть смердь, то задница Князю; аже будутъ дѣчери у него дома, то даяти часть на не; аже будутъ за мужемъ, то не дати имъ части.»

Относительно внутренняго устройства, города при Князьяхъ, также какъ и до Князей, управлялись своими общинными начальниками, старѣйшинами, мужами, держащими землю (какъ называется ихъ летопись), Князья же пользовались доходами, которые первоначально условлено было собирать Князю на содержаніе войска, какъ прямо говоритъ летопись. «Оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» (Лавр. стр. 54.). Кроме того, Князья собирали въ свою пользу дань съ окрестныхъ племенъ, за которою, какъ свидѣтельствуютъ Константинъ Порфирородный и Несторъ, они отправлялись сами съ своею дружиною, или посылали своихъ мужей, и которая, по свидѣтельству нашихъ летописей, называлась *полюдьемъ*, и это, кажется, составляло главную выгоду Приднѣпровскихъ Князей и отличіе ихъ отъ Новгородскихъ, которые не имѣли права на полюдь. Другое важнѣйшее право Приднѣпровскихъ Князей было въ томъ, что они могли вести войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію; города же хотя и принимали въ этомъ участіе, и иногда отказывались отъ войны, или мира, но тѣмъ не менѣе сами, какъ утратившіе независимость, не имѣли права вести войны безъ согласія Князей, и также не могли отдѣльно вести переговоровъ съ посторонними владѣніями. Хотя и были городовыя войска, но они безъ дружины Княжеской нигдѣ не дѣйствовали: защита Государства и распространеніе его границъ рѣшительно принадлежали Князю, или кому онъ поручалъ это.

Тѣ же отношенія городовъ къ Князьямъ мы видимъ при Ольгѣ и при Святославѣ. Ольга совершенно покорила Древлянскую землю, и какъ самовластная владѣтельница, прошла съ дружиною всю покоренную страну и распредѣлила въ ней уставы и уроки, и возложила тяжскую дань, изъ которой двѣ части долж-

ны были принадлежать Кіеву, и одна Вышгороду, Ольгину граду, какъ говоритъ лѣтопись. Слѣдовательно, Кіевъ, какъ мать городовъ Русскихъ, не былъ собственностію Князя, и даже имѣлъ нѣкоторое господство надъ покоренными землями; ибо ему шло двѣ части дани съ Древлянской земли. Святославъ, постоянно занятый внѣшними войнами, не думалъ объ устройствѣ Государства и объ распространеніи своей власти надъ городами, и, довольный военными добычами, не заботился объ умноженіи доходовъ съ своихъ владѣній. Привыкшій къ самовластію въ завоеванныхъ земляхъ, онъ просто скучалъ въ Кіевѣ, гдѣ нѣкоторымъ образомъ ограничивалась его власть, и говорилъ своей матери и боярамъ: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи.»

По смерти Святослава вскорѣ началось междоусобіе дѣтей его, продолжавшееся почти восемь лѣтъ. Въ этомъ междоусобіи замѣчательна какая-то холодность Кіевлянъ къ своему Князю: Ярополкъ ушелъ въ Родню, по совѣту своего любимца измѣнника, и Владимиръ безъ боя занялъ Кіевъ. «И послуша его Ярополкъ, избѣгъ предъ нимъ, затворися въ градъ Родни, а Володимиръ вниде въ Кіевъ.» Здѣсь Кіевляне явно не принимаютъ участія въ Княжескихъ усобицахъ; для нихъ все равно, кто бы ни былъ Княземъ, лишь бы не нарушалъ ихъ правъ; Скандинавы еще не умѣли сродниться съ ними, и рѣжутся одни только Княжескія дружины.

Но съ Владимира начинается новый порядокъ дѣлъ; этотъ умный и дальновидный Князь принялъ за правило привлечь къ себѣ горожанъ Кіевскихъ, такъ какъ онъ привязалъ къ себѣ Новгородцовъ, которые дали ему помощь въ войнѣ противъ Ярополка; и посему все его княженіе представляетъ рядъ дѣйствій, совершенно согласныхъ съ правами народа непобѣжденнаго, но принявшаго чужеземныхъ Князей по взаимному согласію. Во 1-хъ, при самомъ занятіи Кіева, онъ не далъ его на разграбленіе своей дружинѣ; и когда Варяги, считая себя завоевателями, просили окупа по двѣ гривны съ человѣка, то умѣлъ ихъ отклонить отъ этого, обѣщая выдать, когда соберутъ куны, и, проволочивъ цѣлый мѣсяцъ, выпроводилъ безпокойныхъ въ Грецію, потомъ поутѣшилъ народъ своими побѣдами надъ Ляхами, Вятичами, Радимичами и Ятвягами.

Возвратясь изъ похода на Ятвяговъ, Владимиръ принесъ жертву Богамъ, народъ же, смотря на любимаго Князя и желая сдѣлать ему угодное, собралъ советъ и также рѣшилъ принести жертву, сказавши: *мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу, на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ*. Замѣчательно, что Владимиръ въ этомъ дѣлѣ, какъ не относящемся до Княжеской власти, совершенно не участвовалъ, и первую жертву принесъ только съ своею дружиною. Вотъ слова летописи: «Володимеръ иде Кіеву, и творяше требу кумиромъ съ людьми своими; и рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу.» (Лавр. стр. 35).

Въ жизни Владимира замѣчательнѣйшимъ дѣйствиемъ было принятіе Христіанской религіи; подробности этого дѣйствія особенно важны для изученія Княжескихъ отношеній къ Приднѣпровскимъ городамъ. Христіанская Вѣра Греческаго исповѣданія давно уже разпространялась въ Кіевъ; еще Оскольдъ и Диръ приняли Христіанскую Вѣру отъ Грековъ; при Игорѣ Кіевскіе Христіане имѣли уже свою соборную Церковь св. Пророка Іліи, какъ значитъ въ Игоревомъ договорѣ съ Греками; Ольга сама ѣздила въ Константинополь для принятія крещенія; о Христіанской Церкви въ Кіевѣ знали не только въ Греціи, гдѣ Кіевъ былъ въ числѣ Константинопольскихъ митрополій еще гораздо до Владимира, но она была извѣстна даже въ Римѣ; такъ Папа Іоаннъ IX въ въ 967 году въ буллѣ своей къ Чешскому Князю, Болеславу, пишетъ, что Чешская Католическая Церковь должна остерегаться отъ общенія съ Болгарскою и Рускою Церковію *. Таковое сильное разпространеніе Христіанской Церкви въ Кіевѣ явно указывало сосѣднимъ народамъ на холодность Кіевлянъ къ язычеству; а по сему въ 986 году пришли въ Кіевъ посольства отъ Болгаръ Камскихъ, отъ Хазарскихъ Жидовъ, отъ Нѣмцевъ и Грековъ, каждое съ предложеніемъ своей Вѣры. Владиміръ внимательно выслушалъ ихъ, поспорилъ съ ними по своему, но отпустилъ ни съ чѣмъ, не рѣшаясь самовольно

* Non secundum ritus, aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica, unum potiorum totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus (дѣло идетъ объ Архіепископѣ) clericum, Latinis apprime litteris eruditum. (Chronicon Cosm. Pragense. pag. 14).

нарушить права народа въ столь важномъ дѣлѣ. И только уже на другой годъ собралъ бояръ и городскихъ старейшинъ, какъ главныхъ представителей и руководителей народа и, разсказавъ о предложеніяхъ посольствъ, просилъ ихъ совѣта: «да что ума придаете? Что отвѣщаете?» Сии простыя слова заключають въ себѣ глубокой смыслъ: они, съ одной стороны, показываютъ благоуміе и осторожность Владиміра, а съ другой предъмы княжеской власти въ Русскихъ городахъ. Здѣсь Владиміръ; судя по сильному разпространенію Христіанства въ Кіевѣ, хотя зналъ равнодушіе своихъ подданныхъ къ языческой религіи, но не рѣшился мѣнять ее безъ согласія народа. Боярѣ и старцы на предложеніе Владимірово отвѣчали благообразнымъ совѣтомъ: отправить умныхъ мужей къ сказаннымъ народамъ, дабы испытать какъ кто служитъ Богу: Владиміръ безъ прекословія согласился на совѣтъ, но не прежде, какъ онъ былъ одобренъ всѣмъ народомъ; здѣсь Князь даже не положился на мнѣніе старейшинъ, и не рѣшая еще дѣла, хотѣлъ видѣть, какъ это приметь народъ; и когда узналъ, что *бысть любя рчь встѣмъ людемъ*, то опять предоставилъ самому же народу выбрать людей, которымъ бы онъ повѣрилъ въ этомъ дѣлѣ. «Израша мужи добры и смыслены; числомъ десять, и рѣша имъ: идѣте первое въ Болгары» и проч. (Лавр: стр. 46). Когда послы возвратились, то Владиміръ немедленно опять созвалъ бояръ и старцевъ и сказалъ имъ: «Се пришла посланніи нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее.» Когда же посланные объявили предпочтеніе Греческому Вѣроисповѣданію, и боярѣ, основываясь на примѣрѣ Ольги, отвѣчали: «Аще бы лихъ законъ Грецькій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрейши всѣхъ челоувѣкъ.» Довольный такимъ отвѣтомъ; согласнымъ съ его мыслями, Владиміръ опять спросилъ совѣта; гдѣ принять крещеніе, и, получивъ отвѣтъ, «гдѣ ти люббѣ,» приказалъ готовиться къ походу на Корсунь, желая тамъ принять крещеніе, и, возвратясь оттуда съ побѣдою, съ Греческимъ клиромъ и со всеми вышшими принадлежностями новой Вѣры; крестить народъ, дабы, такимъ образомъ, подѣйствовать на него и торжествомъ побѣды и великолѣпіемъ новой Религіи, а въ случаѣ нечаяннаго сопротивленія имѣть уже окрещенное войско, готовое поддерживать Княжескія требованія. Походъ Владиміра вполнѣ удался: онъ взялъ Корсунь, крестился тамъ, вступилъ въ бракъ съ Греческою царвною, крестилъ бывшихъ съ нимъ съ-

новой, бояръ и дружину. Возвратясь въ Кіевъ окруженный Христіанами, онъ смѣло уже приказалъ низпровергнуть кумиры; потомъ послалъ гмашатаевъ по городу съ повелѣніемъ: «Аще не обрящется кто рѣць,.... противенъ мнѣ да будетъ.» Народъ, уже прежде пзъявившій желаніе на перемѣну Вѣры и отправлявшій посольство для испытанія, кто какъ служитъ Богу, по выраженію летописца, съ радостію шелъ на зовъ Князя, говоря между собою: «Аще бы се не добро было, не бы сего Князь и бояре пріяли.» Такимъ образомъ во всемъ процессѣ введенія Христіанской Вѣры въ Приднѣпровьѣ незамѣтно и тѣни самовластія со стороны Князя, который вездѣ предоставлялъ судить и дѣйствовать самому народу, самъ же только направлялъ его волю сообразно своимъ цѣлямъ, къ чему, конечно, бы неужно было прибгать, ежели бы Кіевъ и все Приднѣпровье были чистымъ завоеваніемъ Скандинавскихъ Князей, и ежели бы сіи послѣдніе были здѣсь полными и самовластными владыками народа.

Окрестивши народъ, Владиміръ, чтобы болѣе утвердить свою власть, разослалъ своихъ сыновей по городамъ: старшаго Вышеслава въ Новгородъ, Изяслава въ Полотскъ, Святополжа въ Туровъ, Ярослава въ Ростовъ, а потомъ, когда Вышеславъ умеръ, въ Новгородъ перевелъ Ярослава, а въ Ростовъ назначилъ Бориса, Гльбу отдалъ Муромъ, Святославу землю Древянскую, Всеволоду Владиміръ Вольинскій, Мстиславу Тмутаракань. Здѣсь нельзя оставить безъ вниманія, что Владиміръ послалъ дѣтей своихъ только въ города или завоеванныя, какъ въ Полотскъ, Туровъ, землю Древянскую, Червонную Русь и Тмутаракань; или въ тѣ мѣста, которыя были уступлены Кіевскимъ Князьямъ Повгородцами, каковы Ростовъ и Муромъ; но Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Переяславль, равнымъ образомъ и Кіевъ, какъ завоеванныя и неуступленные во владѣніе, не были включены въ раздѣлъ; ибо Владиміръ не могъ еще самовольно разпоряжаться ими безъ нарушенія правъ народа, первоначально припавшаго Князей по своей воли и по взаимному согласію. Утвердивши за собою завоеванія разсылкою дѣтей, Владиміръ занялся обороною Кіевскихъ владѣній отъ Печеньжскихъ набѣговъ, и для сего построилъ нѣсколько городовъ по Деснѣ, Остру, Суль, Трубежу и Стугицъ, а потомъ неподалеку отъ Кіева построилъ Бѣлгородъ, и населилъ ихъ выходцами изъ другихъ мѣстъ. Замѣчательно, что Владиміръ преимущественно любилъ Бѣлгородъ; это наводитъ

на мысль, что при всемъ разположеніи Кіевлянъ, для него стѣснительна была свобода жителей стараго города, и болѣе правилась безусловная цокорность новаго пригорода, который не имѣлъ никакихъ правъ въ отношеніи къ Князю, своему строителю.

Чтобы болѣе привязать къ себѣ народъ, Владиміръ учредилъ въ Кіевѣ еженедѣльные пиры для бояръ, гридей, сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей, которые для сего сходились на его дворъ въ гридницу; бѣднымъ же людямъ приказалъ выдавать пищу, питье и деньги изъ казнохранилицъ, а больнымъ и немощнымъ возить съѣстные припасы по улицамъ. И въ это же время до того соблюдалъ права народа, что ничего не предпринималъ безъ совѣта старѣйшинъ: «съ ними думая о строи землемъ, и о ратѣхъ и уставѣ землемъ,» какъ говоритъ лѣтопись. (Лавр. стр. 54)

По смерти Владиміра начались междоусобія его дѣтей, въ которыхъ Кіевъ и прочіе Приднѣпровскіе города не принимали участія: они безспорно переходили отъ одного Князя къ другому, отъ побѣжденнаго къ побѣдителю; Кіевъ три раза переходилъ отъ Святополка къ Ярославу и отъ Ярослава къ Святополку, и ни разу не было ни осады, ни приступа; побѣжденные Князья даже не смѣли являться туда, не надѣясь на защиту; только въ 1024 году Кіевляне не согласились принять Мстислава, но и здѣсь не было ни осады, ни приступа; лѣтопись просто говоритъ: «приде Мстиславъ Кіеву, и не пріяща его Къяне.» Слѣдовательно, Мстиславъ, зная свободу Кіевлянъ въ принятіи Князя, только предложилъ имъ себя, граждане же, довольные Ярославомъ, тогда еще не побѣжденнымъ и бывшимъ въ отлучкѣ, не приняли предложенія Мстиславова, который и не настаивалъ, и съѣлъ въ Черниговѣ, въ такомъ же сильномъ и свободномъ городѣ, гдѣ его приняли безъ сопротивленія.

Княженіе Ярославово, знаменитое многими побѣдами надъ Ляхами, Чудью, Ятвягами, Литвою и Мазовшанами, не представляетъ столкновеній Княжеской власти съ городами Руси. И лѣтописецъ, кажется, правильно выразился, назвавши Ярослава *Самовластцемъ всей Русской земли* (Лавр. стр. 65), какъ ни прежде, ни послѣ не называлъ ни одного Кіевского Князя. И точно, Ярославъ былъ полнымъ владыкою всѣхъ Русскихъ городовъ (разумѣется, кромѣ Новгорода, который въ лѣтописяхъ не называется Русскою землею), хотя Кіевъ въ это время былъ богатѣйшимъ городомъ, и по-

своему богатству, многолюдству, великолѣпно зданій и по обширной торговлѣ назывался отъ современниковъ вторымъ Константинополемъ; но онъ, какъ и другіе города Руси, по своему внутреннему устройству былъ очень слабъ предъ могущественнымъ Ярославомъ, вступившимъ въ родственныя связи со всеми знаменитыми дворами Европы, а роскошью своего двора оживлявшимъ торговлю Кіева и другихъ городовъ Русскихъ. Кіевскіе горожане, видя чужеземныхъ Князей слугами своего Князя, кажется, забыли о своихъ правахъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, Ярославъ такъ умно умѣлъ воспользоваться мудрою политикою своего отца, что, безъ всякаго явнаго насилія народу, успѣлъ развить свою власть болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ развитія Княжеской власти при Ярославі служитъ его духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ назначилъ своимъ сыновьямъ столицами удѣловъ именно одни самостоятельныя и свободныя доселѣ города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и Смоленскъ, завоеванныя же или уступленныя земли далъ только въ придачу къ самостоятельнымъ городамъ, чего доселѣ не осмѣливались дѣлать ни Святославъ, ни Владиміръ, отдававшіе въ удѣлы одни завоеванныя области. Причина такового быстраго развитія Княжеской власти при Ярославі, произведеннаго безъ шума и сопротивленія со стороны городовъ, заключается въ обширныхъ богатствахъ, скопленныхъ Княжескимъ родомъ, и особенно во множествѣ новыхъ городовъ, построенныхъ въ Приднѣпровьѣ Олегомъ, Владиміромъ и самимъ Ярославомъ. Города сіи, вполнѣ завиствшіе отъ своихъ строителей, населенные пришельцами изъ разныхъ странъ и не имѣвшіе общиннаго родоваго устройства, или, по крайней мѣрѣ, не успѣвшіе еще развить идеи самостоятельности, представляли сильный перевѣсъ въ пользу Княжеской власти, такъ что вѣчники старыхъ самостоятельныхъ и свободныхъ городовъ, вдругъ увидя предъ собою незамѣтно образовавшуюся новую противную силу * и не находя выгодъ въ неровной борьбѣ, по неволѣ должны были уступить впрядь до удобнаго времени, которое не замедлило придти къ нимъ на помощь.

* Новые города были построены въ полномъ смыслѣ не замѣтно для старыхъ; ибо предлогомъ построенія было укрѣпленіе границъ отъ внѣшнихъ набѣговъ со стороны кочевыхъ племенъ, враждебныхъ торговымъ городамъ Руси. Старые вѣчники не могли и подозрѣвать,

Раздробленіе Княжеской власти по смерти Ярослава и междоусобице дѣтей его развязали руки вѣчникамъ старыѣхъ самостоятельныхъ городовъ Приднѣпровья. Отдѣльные владыки, преемники могущественнаго Ярослава, большею частію, не умѣли привязать къ себѣ народа, еще не забывшаго своей прежней независимости. Первый примѣръ возстанія подалъ Кіевъ, мать городовъ Русскихъ. Въ 1067 году Изяславъ, разбитый Половцами, не нашелъ здѣсь покоя; онъ, кажется, забылъ, что его предки не являлись въ Кіевъ побѣжденными, и народъ жестоко напомнилъ это ему и его послѣдователямъ. Только что Изяславъ возвратился въ Кіевъ, какъ граждане собрали вѣче и послали сказать ему: «Се Половцы розсулися по земли, дай, Княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними» (Лавр. стр. 73); и когда Князь ихъ не послушалъ, начали мятежъ, выпустили изъ погреба свою дружину, принудили Изяслава бѣжать изъ Кіева, разграбили его домъ, и объявили Кіевскимъ Княземъ Всеслава Полотскаго, со-державшагося у Изяслава въ подземной темницѣ. Разсказъ летописи объ этомъ первомъ возстаніи Кіевлянъ много говоритъ о значеніи старыѣхъ городовъ Приднѣпровья и объ ихъ отношеніяхъ къ Князьямъ; а потому, для большаго объясненія дѣла, здѣсь не лишнимъ будетъ разобрать его подробности. Летопись говоритъ, что народъ собрался на торговищѣ, слѣдовательно, обыкновеннымъ мѣстомъ вѣча въ Кіевѣ была торговая площадь. На вѣчѣ было рѣшено послать къ Князю съ прозбою, чтобы онъ далъ оружье для прогнанія Половцевъ: «и рѣша, дай, Княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними.» Здѣсь, собственно, мятежа еще не начиналось, Кіевляне дѣйствовали по своимъ исконнымъ правамъ и требовали отъ Князя законнаго; ибо оружье и кони, для городской рати, не были собственностію Князя, и устроивались и содержались не на Княжій, а на городской счетъ, для чего назначались народомъ особыя доходы, въ которые Князь даже не долженъ былъ вступаться. Припомнимъ здѣсь слова Епископовъ и народныхъ старѣйшинъ ко Владиміру: когда онъ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, то старѣйшины

какая оппозиція должна была образоваться изъ этихъ пограничныхъ крѣпостей; можетъ быть и Князя воспользовались ими только въ послѣдствіи.

воспротивились этому, и сказали: «оже вира, то на оружьи и на конѣхъ буди,» и могущественный Владиміръ долженъ былъ уступить законному требованію, «и рече: тако буди.» (Лавр. стр. 54). Самая форма требованія черезъ посольство обличаетъ законность дѣйствія: бунтовщики явились бы съ шумомъ, всею толпою къ Княжескому двору, какъ и сдѣлали Кіевляне, получивъ отказъ на законное требованіе. Но и здѣсь вѣче еще не вдругъ возстало на Князя, а начали обвинять воеводу Коснячка; собственно же мятежъ начался тогда, когда пошли съ вѣча на Коснячковь дворъ; тутъ уже, не нашедши Коснячка, народъ взвыль и пошелъ, половина къ погребу, гдѣ содержалась дружина, а другая къ Княжому двору; и пока послѣдняя спорила съ Княземъ, сидѣвщамъ на сѣняхъ, первая отворила погребъ и выпустила свою дружину. О какой дружинѣ народной толкуетъ здѣсь лѣтописецъ, мы не знаемъ, но навѣрное не о преступникахъ, ибо мудро рѣшить, чтобы благочестивый Печерскій инокъ называлъ злодѣевъ дружиною народа; нельзя также подъ этою дружиною разумѣть неисправныхъ плательщиковъ податей, ибо за подати отвѣчала передъ Княземъ община, а не частныя лица, слѣдовательно, съ неисправными плательщиками, членами общины, вѣдалась сама община, а не Князь. Итакъ подъ дружиною здѣсь остается разумѣть настоящую дружину народную, противоположную дружинѣ Княжеской; слѣдовательно, народныхъ представителей, бывшихъ у Князя аманатами, въ обезпеченіе неприкосновенности Княжеской власти. Это доказываетъ и мнѣніе самой дружины Изяслава, которая, до освобожденія народной дружины, считала народное вѣче неопаснымъ дѣломъ и спокойно смотрѣла на споръ народа съ Княземъ, можетъ быть еще думая что либо выиграть изъ этого спора въ свою, или Княжую пользу; но когда Туки замѣтилъ, что половина толпы обратилась къ погребу и выпустила свою дружину, то Княжая дружина, увидѣвъ опасность, сказала Князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, ать призвавши лествю къ оконцю, пронзуть и мечемъ» (Лавр. стр. 73). Очевидно, освобожденіе преступниковъ, или неисправныхъ плательщиковъ не могло произвести такого дѣйствія на Княжую дружину. Споръ съ Княземъ народа, пришедшаго на Княжій дворъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: «Изяславу же сѣдѣшю на сѣняхъ съ дружиною своею, начаша претися со Княземъ.» (тамъ же), показываетъ, что народъ говорилъ Князю о своихъ

правахъ и требовалъ исполненія Княжескихъ обязанностей отъ Изяслава, хотѣлъ устроить дѣла взаимнымъ согласіемъ; можетъ быть, новымъ договоромъ; но Изяславъ почелъ за лучшее оставить Кіевъ; конечно, надѣясь на помощь Польскаго Короля Болеслава. Граждане же, видѣвъ неудачу въ переговорахъ съ Изяславомъ, прибѣгли къ послѣднему средству, — объявить Княземъ Всеслава Полотскаго, съ которымъ, какъ плѣнникомъ, конечно имъ было удобнѣе договариваться. Лѣтопись очень ясно говоритъ, что Кіевляне пустились на освобожденіе Всеслава только по неудачномъ окончаніи переговоровъ съ Изяславомъ, и даже уже тогда, когда сей послѣдній оставилъ Княжескій дворъ: «Изяславъ же со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людѣ же выскоча Всеслава изъ поруба, въ 15 день Сентября, и поставиша и средѣ Княжа двора, дворъ же Князь разграбиша, безчисленное множество злата и сребра кунами и бѣлюю.» (Лавр. 74).

Но Всеславъ былъ плохимъ защитникомъ самостоятельности Кіева, и, при первомъ появленіи Изяслава съ Поляками (чрезъ 7 мѣсяцевъ); бѣжалъ ночью отъ Кіевского войска, вышедшаго на сраженіе Изяслава къ Бѣлгороду. Причины Всеславова бѣгства неизвѣстны, можетъ быть, онъ не надѣялся на мужество Кіевлянъ, или, что вѣроятнѣе, ему свободнѣе было жить въ родномъ Полотскѣ, нежели въ Кіевѣ, гдѣ, конечно, граждане приняли его на условіяхъ, довольно стѣснительныхъ; но какъ бы то ни было, только съ удаленіемъ, Всеслава, Кіевляне остались безъ предводителя и, воротившись отъ Бѣлгорода, собрали новое вѣче, на которомъ было рѣшено прибѣгнуть къ заступничеству Изяславовыхъ братьевъ, Святослава и Всеволода княжившихъ въ Черниговѣ и Переяславлѣ. Посольству вѣжливо сказать Князьямъ: «мы уже зло створили есмы, Князя своего прогнавше, а се ведетъ на ны Лядскую землю; а поидете въ градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречскую землю.» (Лавр. 74). Это посольство рѣзко выражаетъ характеръ Кіевлянъ, которые лучше хотѣли сжечь свой городъ и навсегда оставить родину, нежели поддаться Князю, который бы владѣлъ ими, какъ завоеватель. Князья, испугавшись рѣшительности Кіевлянъ, и уважая Кіевъ, какъ родину, какъ мѣсто, гдѣ хранились гробы предковъ, и, можетъ быть, опасаясь раздражить и своихъ подданныхъ, дали слово посламъ устроить дѣла по желанію народа; и немедленно отправили свое посольство къ

Изяславу, которое говорило ему: «Не води Ляховъ Кіеву, прѣтивъ на бо ти нѣту; аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола» (Тамъ же). Изяславъ, видя невозможность бороться со всею Русскою землею, уступилъ требованію братьевъ и; возвративъ Польское войско назадъ, вошелъ въ Кіевъ съ Болеславомъ и небольшимъ числомъ Поляковъ, которыхъ Кіевляне скоро истребили тайно, чтобы уничтожить даже и намекъ на завоеваніе. Черезъ четыре года, по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ, у Приднѣпровскихъ Князей началась ссора, въ которой Кіевляне не приняли никакого участія, и по удаленіи Изяслава въ Польшу, спокойно приняли къ себѣ Княземъ Святослава. Здѣсь нельзя и подозрѣвать, чтобы Кіевляне были въ заговоръ съ Святославомъ и Всеволодомъ; ибо они не только не сдѣлали никакихъ оскорбленій Изяславу и не задержали его, но даже дозволили ему вывезти съ собою огромныя богатства. Лѣтопись ясно говоритъ: «Изяславъ же иде въ Ляхы со имънемъ многымъ, глаголя: яко симъ налѣзу вон!» (Лавр: 78). Но Черниговцы были не такъ равнодушны къ Святославову роду и въ 1078 году жестоко бились за Олега Святославича противъ четырехъ Князей. Причиною такого разположенія гражданъ было, конечно, не что иное, какъ слава Святославова, его умъ и защита народъ отъ иноплеменныхъ набѣговъ, а также вопіющая несправедливость старшихъ Князей къ Святославовымъ дѣтямъ.

Въ Княженіе хитраго и могущественнаго Всеволода Ярославича Кіевляне ни разу не могли высказать свою самостоятельность; они даже терпѣливо сносили обиды Княжихъ тиуновъ; но со вступленіемъ на Кіевскій престолъ Святополка Изяславича дѣла изменились. Кіевляне приняли Князя, какъ говоритъ лѣтопись, съ поклономъ и съ радостію, они ждали себѣ большей свободы и не ошиблись: въ первую же войну съ Половцами Святополкъ, неопытный въ дѣлахъ, принялъ совѣтъ гражданъ, въ прѣтвѣтность мнѣнія Мономаха и старшей дружины, перешелъ Стугну и проигралъ сраженіе. «Глаголаше Володиміръ: яко здѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними: и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янъ и прочіи. Кіянѣ же не всхотѣша; но рекоша: хочемъ ся бити; поступимъ на оную сторону рѣки. Влюбѣиша свѣтъ ось и преидоша Стугну рѣку.» (Лавр. стр. 94). Черезъ два года послѣ сего, вліяніе горожанъ на дѣла Государя

ства всей Руси выказывается еще сильнее: сами Князья явно признаютъ посредничество городскихъ жителей въ дѣль Государственнаго устройства и защиты. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, приглашая Олега, говорятъ: «Понди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градъскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ.» (Лавр. 98). А еще черезъ годъ самъ Великій Князь сзываетъ гражданъ для суда даже въ Княжескомъ, а не народномъ дѣль; онъ спрашиваетъ ихъ мнѣнія въ дѣль Василька Ростиславича. Вотъ слова летописи: «Наутрѣ же Святополкъ созва боляръ и Кьянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ... и рѣша боляре и людье: тобѣ, Княже, достонитъ блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь.» Въ слѣдъ за симъ самостоятельность и значеніе Кіевлянъ выказались еще сильнее. За ослѣпленіе Василька Мономахъ съ Святославичами вооружился на В. Князя. Святополкъ, чувствуя себя слабымъ, хотѣлъ бѣжать изъ Кіева; но граждане его остановили и вызвались помприть съ Мономахомъ и его союзниками; и вопль успѣли въ этомъ дѣль, ихъ послы прямо требовали отъ Князей прескратить междуособную войну: «И повѣдаша молбу Кьянъ, яко творити миръ, и блюсти земль Руськѣй, и брань имѣти съ погаными.» И требованіе сіе было исполнено, — Князья помирились съ Святополкомъ.

Въ это время не одинъ Кіевляне, но и жители другихъ старыхъ городовъ выказывали свою самостоятельность и свободу относительно къ Князьямъ. Такъ Муромцы въ 1095 году добровольно приняли Изяслава Владимировича и выдали ему Олегова посадника (Лавр. стр. 98); въ 1096 году Смольняне не приняли Олега. (Тамъ же). А въ слѣдъ за старыми городами, пользуясь обстоятельствами, и младшіе стали собирать вече и свободно говорить Князьямъ, чтобы они сообразовались съ волею народа. Такъ въ 1097 году, когда Ростиславичи осадили Давыда, Игоревича во Владиміръ Вольнскомъ, и обратились не къ Князю а къ гражданамъ съ требованіемъ выдачи Турика и Лазаря, советниковъ Давыдовыхъ, то граждане, услышавъ это, созвали вече и сказали Давыду прямо: «Выдай мужи сія, не бьемъся за нихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ.» И когда Давыдъ сталъ было отговариваться отъ выдачи; то по словамъ летописи: «Кликнуша людье на

Давыда и рекоша : выдай, кого ти хотять , аще ли, то предае-мыся.» (Лавр., 114). Здѣсь опять сами Князья явно признають самостоятельность горожанъ , и обращаются съ своими требова-ніями не къ Князю , а къ народу. Тутъ нельзя подозрѣвать измѣны, ибо дѣло шло гласно: народъ не думалъ передаваться Ростиславичамъ , да и сіи послѣдніе не искали этого ; вотъ слова, говоренныя ихъ послами : «Въ не придоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Турыка и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да аще хочете за сихъ битися, да се мы готови; а любо дайте врагы наша.» (Лавр., стр. 113).

По смерти Святополка Кіевляне подали свой свой голосъ въ пользу Всеволодова сына, Владиміра Мономаха, славнаго по всей Русской землѣ и по окрестнымъ странамъ своими побѣдами и трудами за Русскую землю. Они на другой же день по смерти Святополка созвали вѣче, на которомъ рѣшили отправить къ Владиміру посольство съ предложеніемъ занять Кіевскій престолъ, принадлежавшій его отцу и дѣду. И когда Владиміръ, зная, что не онъ старшій въ родѣ, медлилъ согласіемъ на предложеніе, то Кіевляне, начавши грабежъ въ городѣ, вторично отправили посольство , которое говорило Владиміру : «Пойди Княже Кыеву ; аще ли не пойдещи , то вѣси, яко много зло уздвигнется, и будещи имѣть отвѣтъ.» Мономахъ , видя настойчивость требованія, согласился съ желаніемъ народа и былъ принятъ въ Кіевъ съ великою радостію и честію ; гражданае, довольные исполненіемъ ихъ желанія, перестали волноваться ; а Князья старшіе Владиміра не протестовали ; и такимъ образомъ признали волю горожанъ Кіевскихъ , хотя она явно противорѣчила родовымъ Княжескимъ отношеніямъ. При Мономахъ, любимцѣ народа, Кіевляне наслаждались спокойствіемъ и довольствомъ, къ нимъ возвратились времена мудраго Ярослава. Владиміръ такъ благоразумно управлялъ избравшимъ его народомъ, что во все тринадцатилѣтнее свое Княжество не ни разу не далъ столкнуться народнои воли съ Княжескою властію, и такъ привлекъ къ себѣ Кіевлянъ, что они кажется дали клятву принимать Князей изъ его племени, предпочтительно предъ всѣми Княжескими родами ; вмѣстѣ съ Кіевлянами за Мономаховымъ же племенемъ остались Смольяне и Переславцы.

По смерти Мономаха Кіевскимъ Княземъ сдѣлался старшій сынъ его, Мстиславъ, конечно, также по воли народа ; льтопись же упоминаетъ о приглашеніи его Кіевлянами, очевидно, потому

что онъ уже, при самой кончинѣ Мономаха, былъ въ Кіевѣ, следовательно не было нужды говорить о приглашеніи. Мстиславова княженіе для Кіевлянъ было продолженіемъ Мономахова правленія, онъ такъ же, какъ и отецъ его, старался отклонять всѣ столкновенія съ народною волею. Лѣтопись ясно говоритъ о его Княженіи въ Кіевѣ: «Княжа съ кротостію, подобяся отцу своему» (Радзв. 180). Но при всемъ согласіи Князя съ народомъ, лѣтопись успѣла замѣтить случай, изъ котораго видно, что Кіевляне и въ это время составляли особое цѣлое, отдѣльное отъ Князя; при описаніи Мстиславова похода на Литву сказано: «а Кіанъ тогда много побиха Литва, не втягли бо бяху съ Княземъ, но послѣди идяху по немъ особъ» (Ипат., стр. 12). Здѣсь Кіевская рать является особымъ войскомъ, отдѣльнымъ отъ Княжеской дружины. О преемникѣ Мстиславова, Ярополкѣ, лѣтопись прямо говоритъ, что онъ сдѣлался Кіевскимъ Княземъ по приглашенію Кіевлянъ. «Преставися Мстиславъ....и сѣде по немъ братъ его Ярополкъ Княжа Кіевъ: людье бо Кыяне послаша понь» (Лавр., стр. 132).

Такимъ образомъ мы видимъ сряду трехъ Князей на Кіевскомъ престолѣ, избранныхъ народомъ, явно противъ всѣхъ правилъ родового старейшинства между Князьями; и Князья старшихъ родовъ ни разу не протестовали противъ такового избранія. Явно, что мнѣніе или рѣшеніе Кіевлянъ, какъ народа самостоятельнаго, признавалось законнымъ и отъ самихъ Князей; конечно, здѣсь много участвовало и могущество Мономахова рода. А также нельзя не замѣтить, что въ это время Княжескіе роды какъ бы подѣлили между собою привязанность разныхъ городовъ Руси: такъ родъ Мономаховъ сталъ считаться родовымъ, отчиннымъ извѣчнымъ Княжескимъ родомъ въ Переяславль, Кіевъ, Смоленскъ съ ихъ пригородами и въ землѣ Суздальской; родъ Святославовъ въ Черниговъ, странъ Сѣверской, землѣ Вятчей, Рязани и Муромъ; родъ Ростислава Владиміровича въ Червоной Руси; родъ Изяслава Владиміровича въ странъ Полотской. Причины такового раздѣленія заключались: съ одной стороны, въ любви народа къ Князьямъ, у него родившимся, выросшимъ на его глазахъ, и въ его правахъ; а съ другой въ томъ, что, одинъ Княжескій родъ, утвердившійся въ какой-либо странѣ, окружалъ себя дружиною, преимущественно изъ лучшихъ и богатѣйшихъ жителей этой же страны, и пришлые дружинники, по давности жительства въ одномъ городѣ, мало по малу сближались и сроднялись съ коренными земскими гражданами. И такимъ образомъ, Княжіе

интересы соединялись съ интересами народа; и чѣмъ болѣе какой родъ княжилъ въ одномъ городѣ или области, тѣмъ болѣе сживался, сроднялся съ народомъ. Къ сему присоединялась память о подвигахъ и заслугахъ отца, дѣда и проч., такъ что Князь изъ другаго рода, приходившій съ своею иногородною дружиною, казался для народа чужимъ, неугоднымъ, дружина же его встрѣчала въ жителяхъ чувства недовѣрчивости и часто вражды, чѣмъ и сама отвѣчала имъ, и тѣмъ болѣе отчуждала народъ отъ Князя. Впрочемъ, признаніе одного Княжескаго рода отчиннымъ роднымъ, не уничтожало въ народѣ свободы выбора; только, разумѣется, выборъ болѣею частию ограничивался лицами изъ того же рода. Такъ при Мстиславѣ жители Полотска выгнали Давыда, принадлежавшаго къ Изяславову поколѣнію, но вновь выбрали Рогволода изъ того же племени; потомъ Рогволода смѣнили его двоюроднымъ братомъ, Ростиславомъ Глѣбовичемъ, а Ростислава опять Рогволодомъ.

Привязанность городовъ къ своимъ Княжескимъ родамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то свобода и отдѣльность народа отъ Князей, особенно рѣзко стала проявляться по смерти Мстислава Владиміровича, когда возобновились Княжескія усобицы, на время затихшія при Мономахъ и Мстиславѣ. Такъ, при Ярополкѣ же, Мстиславовомъ преемникѣ, мы видимъ, что Черниговцы, осажденные Великокняжескими войсками, говорятъ своему Князю, Всеволоду Ольговичу: «Ты надѣнешся бѣжати въ Половцѣ, а волюсь свою погубиши: то къ чему ся опять воротишь? Луче того останися високоумья своего, и проси си мира.» (Ипат., стр. 15). И Всеволодъ долженъ былъ согласиться съ требованіемъ народа и заключить миръ съ Ярополкомъ. Или при Всеволодѣ Ольговичѣ въ 1144 году Галичане, пользуясь отсутствіемъ Владимірка, посылаютъ за родовымъ своимъ Княземъ, Иваномъ Ростиславичемъ, жившимъ въ Звенигородѣ, и упрямно защищаютъ его противъ Владимірка.

А Всеволодъ Ольговичъ, зная, что ни онъ, ни братья его не принадлежатъ къ родовымъ Кіевскимъ Князьямъ, и, слѣдовательно, не надѣясь на расположеніе народа къ своему брату, Игорю, передъ смертію своею приглашаетъ къ себѣ Кіевлянъ и говоритъ имъ: «Азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорьъ, иметесь понь.» Онъ думалъ такимъ образомъ привязать къ своему роду Кіевлянъ клятвою; народъ точно изъявилъ на первый разъ свое согласіе, сказавъ: «Ради ся имемъ.» (Ипат., стр. 22), и на

собранномъ вече торжественно присягнуль Игорю, говоря: «Ты нашъ Князь» Но на другой же день по смерти Всеволода Кіевляне измѣнили клятвъ, данной не по желанію народному Князю; начали предлагать Игорю новыя условія и тайно сносятся съ своимъ родовымъ Княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, княжившимъ въ Переславль. Игорь, желая удержать за собою Кіевъ во чтобы ни стало, дѣлалъ всякія уступки народнымъ требованіямъ; но ничто не помогло; при первомъ появленіи Изяслава Кіевляне, оставя знамена Игоревы, передались къ своему родовому Князю.

Въ летописи это дѣло пересказано съ замѣчательнѣйшими подробностями, которыя рѣзко характеризуютъ отношенія Князей къ городамъ. Похоронивъ Всеволода, Игорь созвалъ Кіевлянъ на Ярославль дворъ и привелъ ко вторичной присягѣ; но народъ, возвращаясь съ Ярославова двора, тутъ же собралъ вече у Туровой божницы и послалъ звать къ себѣ Игоря. Игорь отправилъ на вече своего брата, Святослава, которому граждане стали жаловаться на Кіевского и Вышгородскаго тиуновъ; требовали ихъ смѣны и клятвы отъ Князей самимъ разбирать обиды: «А нынѣ, Княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави.» Ясное свидѣтельство, что главною обязанностию и правомъ Князя было держать судъ и правду. Святославъ обѣщалъ дать тиуна по волѣ народа: «И съѣдь съ коня, и на томъ цѣлова крестъ къ нимъ у вѣчи,» потомъ съ выборными отъ народа отправился къ Игорю привести его къ присягѣ: «Игоръ же съѣдь съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни.» Прямое доказательство, что граждане были свободны и принимали Князей по взаимному согласію; и ежели когда на время держался у нихъ Князь, неугодный народу, то его поддерживала только его собственная дружина, какъ было и въ настоящее время. Игорь, въ продолженіи вѣча, стоялъ среди своей дружины, готовой къ бою *на копьхъ*; Кіевляне же отдѣльвались разными предложеніями и требованіями и не изгопяли неугоднаго Князя, выжидая и выигрывая время, пока подойдетъ Изяславъ, которому уже послали сказать: «Ийди, Княже, къ намъ, хотимъ тебе.» Изяславъ немедленно двинулся съ войскомъ и перешелъ Днѣпръ у Заруба; Кіевскіе пригороды, дѣйствуя за одно съ старшимъ городомъ, по общему правилу, *что старые города скажутъ, на томъ и пригороды стануть*, другъ передъ другомъ спѣшили отправлять свои Посольства къ Изяславу съ предложеніями: «Ты

нашъ Князь, а Олговичъ не хотимъ; а поѣди вборзъ, а мы съ тобою; кдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готови есмь.» Такъ на походъ же пристали къ Изяславу всѣ Черныя Клобуки Бѣлогородцы и Василевцы со всѣми городами, расположенными по Роси (Поросье); между тѣмъ Улебъ тысяцкій, Иванъ Войтишиничъ, Лазарь Саковскій, Василь Полочанинъ и Мирославъ Хиличъ, главные предводители въ полкахъ Игоря и Святослава, тайно принявши сторону народа, стали понуждать Изяслава къ скорѣйшему походу на Игоря, пока не пришли къ нему на помощь Князья Черниговскіе. Изяславъ подступилъ къ Кіевскимъ валамъ, Игорь вышелъ къ нему на встрѣчу съ своею и съ братнею дружиною, и вмѣстѣ съ ними Улебъ и Иванъ Войтишиничъ съ городовою ратью, раздѣленною на два полка; а въ сторонѣ отъ нихъ у Ольговы могилы стали вооруженные Кіевляне, которые немедленно послали къ Изяславу и взяли у него особаго тысяцкаго съ Изяславовымъ стягомъ; въ это же время Берендичи ударили и захватили Игоревъ обозъ у Золотыхъ воротъ; потомъ Улебъ и Иванъ Войтишиничъ, повергнуши стяги Игоревы, бросились съ своими полками къ Жидовскимъ воротамъ. Игорь, оставленный Кіевскими полками, не смутился и бодро пошелъ съ своею и братнею дружиною на Изяслава, но, стѣсненный съ боку Изяславомъ, а съ тылу Берендичами, былъ разбитъ на голову и завязъ въ Дорогожичьскомъ болотѣ, гдѣ его отыскали уже черезъ четыре дня; Святославъ же съ остатками дружины убѣжалъ въ Черниговъ, а Изяславъ съ торжествомъ вступилъ въ Кіевъ, гдѣ его съ радостію встрѣтили народъ и духовенство. Занявши Кіевъ, онъ немедленно велѣлъ перехватать всѣхъ бояръ, приверженныхъ къ Игорю; дружина же его, вмѣстѣ съ Кіевлянами, разграбила дома дружины Игоревой и Всеволожей и принадлежавшія имъ села и стада, даже отыскала ихъ имѣніе, скрытое въ домахъ и монастыряхъ. (Ипат., стр. 24).

Изъ этихъ подробностей мы, между прочимъ, видимъ: 1-е, что Княжеская дружина имѣла въ городахъ свои особые дома и около городовъ помѣстья, отдаваемые имъ въ кормленіе, и вѣроятно населенныя ихъ людьми: «Разграбиша Кіеве съ Изяславомъ дома дружины Игоревы и Всеволожи и села, и скоты.» 2-е, города имѣли свои полки, отдѣльные отъ Княжеской дружины, предводительствуемые воеводами, которыхъ Князь долженъ былъ избирать изъ среды городовыхъ земскихъ бояръ; которыхъ новый Князь могъ перемѣнять или оставлять по сво-

ей волю. Такъ Игорь говоритъ Улебу, Ивану Войтишиничу и Лазарю Саковскому; «какъ еста были у брата моего, такоже будета и у мене; а Улебови рече: держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ.» и 3-е, Князья назначали отъ себя по городамъ судей или, какъ тогда называли, тиуновъ, какъ представителей судебной Княжеской власти; но народъ, въ случаѣ притѣсненій, имѣлъ право требовать отъ Князя ихъ смѣны; и это не считалось противозаконнымъ: такъ Святославъ говорилъ Кіевлянамъ, жаловавшимся на тиуновъ Ратьшу и Тудора: «а се вамъ и тиунъ по вашей волю.»

Подробности войны Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ представляютъ еще нѣсколько рѣзкихъ свидѣтельствъ объ отношеніи Князей къ городамъ. Изъ нихъ мы видимъ, что Князья имѣли обширныя поземельныя владѣнія, въ которыхъ хорошее хозяйство доставляло имъ большіе доходы, на которые они могли содержать многочисленную дружину и тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на города, которые искали себѣ въ Князѣ судью и надежнаго союзника при отраженіи непріятельскихъ набѣговъ. А по сему непріятели Князя старались разорять его собственныя владѣнія, а не народныя: такъ, при осадѣ Святослава Ольговича въ Новгородъ Сѣверскомъ, Мстиславъ Изяславичъ съ своими союзниками послалъ грабить и разорять села Игоревы и Святославы: «сташа у Мелетковъ сель, и оттуда пославше и заграбиша Игорева у Святослава стада въ лѣсъ по Рахни, кобылъ стадныхъ 3,000, а конь тысячу; пославше же по селомъ пожгоша жита и дворы.» Потомъ послали на одно Игоревое селце, гдѣ у него былъ хозяйственный дворъ; въ этомъ селцѣ они нашли множество всякихъ припасовъ, хранившихся въ берестяницахъ, меду и вина въ погребахъ, и на гумнѣ до 900 стоговъ хлѣба, а также множество желѣза и мѣди. Въ это же время, по взятіи Изяславомъ Путивля, лѣтопись говоритъ: «и ту дворъ Святославъ раздѣли на четыре части, и скотницъ и берестяницъ, и товаровъ, иже бѣ немочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берковсково меду, а вина 80 корчагъ; и церковь Св. Вознесенія всю облущиша ... книги и колоколы; и не оставиша ничто же Княжа, но все раздѣлиша, и челяди семьсотъ.» Точно также Изяславъ, выгнавши Святослава изъ его владѣній, сказалъ своимъ союзникамъ; «Что же будетъ Игорева въ той волости, челяди ли, товаръ ли, то мое; а что будетъ Святославу челяди и товара, то раздѣлимъ на части.» (Ипат., стр. 28). Или Мстиславъ

Изяславичъ Владимірскій, выгнавши въ 1159 году Изяслава Давыдовича изъ Кіева, бросился собственно только на Изяславовы богатства, не разоряя гражданъ: «Мстиславъ же зая товара много Изяслави дружины, золота и серебра, и челяди, и коній, и скота, и все провади Володимірю» (Ипат., стр. 85). Поземельныя владѣнія Князей преимущественно были въ ихъ родовыхъ городахъ: такъ Святославъ Всеволодичъ говоритъ Изяславу, чтобы онъ отпустилъ его въ родовой Ольговичамъ Черниговъ: «Отче, пусти мя Чернигову напередъ, тамо ми жизнь вся» (Ипат., стр. 31). Князья особенно дорожили своими поземельными владѣніями, какъ это видно изъ жалобы Святослава, который имѣніе называетъ жизнью. «Брата моя се еста землю мою новоевали, и стада моя и брата моего зайли, жита пожгли и всю жизнь погубили еста.» Почти въ томъ же смыслѣ говоритъ Святославу дружина его, узнавши о разграбленіи Княжійхъ имѣній и о походѣ Изяслава къ Новгороду Сѣверскому: «Княже, не стряная побѣди, здѣ ти не о чемъ быти, нѣтуть ни жита, ничто, понди въ льсную землю.» За ограбленнымъ Княземъ дружина шла неохотно; такъ о выходѣ Святослава изъ Новгорода Сѣверскаго лѣтописъ говоритъ: «Дружина же его, они по немъ идоша, а друзін осташа его.» Но за то Князья постоянныхъ своихъ спутниковъ, не оставлявшихъ ихъ въ несчастіи, считали за одно съ своею семьею; такъ Святославъ, преслѣдуемый Изяславомъ Давыдовичемъ, говорилъ: «Любо же дати жену и дѣти и дружину на полонь, любо голову свою сложити.» Сколь важно было для Князей ихъ собственное имѣніе и имѣніе дружинниковъ, это доказывается тѣмъ, что Князья, отказываясь отъ занятыхъ ими прежде городовъ, не отказывались отъ своего и дружиннаго имѣнія, и иногда изъ одного этого возобновляли только что прекратившуюся войну. Такъ Изяславъ, оставя Юрью Долгорукому Кіевъ, требовалъ возвращенія имѣнія себѣ и своей дружинѣ, и общалъ взаимно возвратити Юрію, и это было предметомъ особаго договора въ 1149 году. «Уладишася и на томъ хрестѣ цѣловашася: яко по Переяславьскомъ полку что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицу. Изяславъ же посла мужи свои и тивуны своего дѣля товара и своихъ дѣля стады, его же бѣ отшелъ (т. е., оставилъ по выходѣ изъ Кіева), а мужи своего дѣля, они сами ѣхаша, а друзін тивуны свои послаша; и тако пріѣхавше къ Гюргеви, и

начаша познавати свое. Гюрьги же того всего не управи.» (Ипат., стр. 48), за что опять возгорѣлась война, стоившая Юрью Кіева.

Княженіе Изяслава Мстиславича преимущественно представляетъ много случаевъ, гдѣ рѣзко выдаются отношенія Князей къ старымъ городамъ и особенно разположеніе граждавъ къ своимъ родовымъ Князьямъ. Въ 1147 году, по общему согласію съ своими союзниками, Изяславъ условился о походѣ на Юрія Долгорукаго, и предложилъ Кіевлянамъ о своемъ планѣ: «Се есмь съ братією своею сгадалъ, хотимъ поити на Юрья» но, вмѣсто безпрекословнаго согласія на походъ и готовности вспомоцествовать, получили отвѣтъ отъ народа: «Княже! не ходи на стрія своего, лѣпль ся съ нимъ улады, Олговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь.» Изяславъ, думая озадачить народъ непреклонностію своего намѣренія, отвѣчалъ: «Всяко сего пути не хочу отложить; а вы доспѣвайте;» на что свободные граждане, при всей привязанности къ Изяславу, сказали напрямки: «Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимера племя руки възняти; оля же Ольговичъ хотя и съ дѣтьми.» (Ипат., стр. 31). Послѣ такого рѣзкаго отвѣта Изяславъ не могъ уже спорить и спокойно сказалъ: «А тотъ добръ, кто по мнѣ поидеть,» т. е., я уже не требую народнаго вооруженія и буду доволенъ одними охотниками. Въ слѣдъ за тѣмъ Изяславъ узнавши на походѣ объ измѣнѣ Князей Черниговскихъ, немедленно отправилъ посла въ Кіевъ, который на вѣчь объявилъ народу объ измѣнѣ Ольговичей и отъ лица Князя сказалъ: «Братѣ Кіеве, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите ко мнѣ къ Чернигову на Олговичъ, доспѣвайте отъ мала и до велика; ти бо суть не мене одного хотѣли убити, но и васъ искоренити.» Кіевляне, готовые воевать противъ чужеродныхъ Князей, въ одинъ голосъ отвѣчали послу Изяславу: «Ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія лѣсти братью нашу, идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, ако же хоцещи.» Въ это же время подобное явленіе видимъ въ Курскѣ: Изяславовъ сынъ, Мстиславъ, услышавши о походѣ Гльба Юрьевича съ Святославомъ Ольговичемъ, собралъ вѣче и объявилъ объ этомъ народу, прося соединиться съ его дружиною, на что Куряне отвѣчали: «Оже се Олговичъ, ради ся за тя бьемъ и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича не можемъ руки подѣяти.» И Мстиславъ, получивъ такой отвѣтъ, оставилъ Курскъ. То же повторилось въ Кіевѣ въ 1149 году, во время Юрьева похода къ Переяславию; Изяславъ опять созвалъ Кіев-

лянъ на вѣче и предложилъ имъ походъ *«хочю ся бити.»* Кіевляне же отвѣчали Князю: «Мирися, Княже, мы не йдемъ,» и только тогда пошли за Изяславомъ, когда онъ имъ сказалъ: «Пойдите со мною; ать ми ся добро съ пими отъ силы мирити;» т. е., я васъ приглашаю только для того, чтобы имѣя большее войско, можно было помириться на выгоднѣйшихъ условіяхъ. Потомъ, когда, разбивши Изяслава подъ Переяславлемъ, Юрій осадилъ Кіевъ, то Изяславъ съ Ростиславомъ объявили народу на вѣчѣ, хочетъ ли онъ защищать ихъ? и получивши отъ гражданъ отвѣтъ: «Не погубита насъ до конца, поѣдита въ свои волости; а вы вѣдета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днехъ, гдѣ узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы,» Князья удалились изъ Кіева. Здѣсь Кіевляне, при всей привязанности къ Изяславу, соображаютъ свои силы, и, находя себя въ настоящее время слабыми, отказываютъ въ содѣйствіи любимому Князю; и Изяславъ, не настаивая долѣе, оставляетъ Кіевъ. Мы не можемъ обвинять Кіевлянъ въ трусости; ибо этотъ же народъ, когда находилъ войну своевременною и удобною, усердно ломился въ битву; такъ 1151 году Кіевляне въ войнѣ противъ того же Юрія говорили Изяславу: «Ать же пойдуть вси, како можетъ и хлудъ въ руци взяти; пакы и хто не поидеть, намъ же й дай, ать мы сами побьемъ» (Ипат., стр. 62).

Въ это время Приднѣпровскіе города, хотя, по привязанности къ родовымъ Князьямъ, втянулись въ коловоротъ Княжескихъ усобицъ, но тѣмъ не менѣе еще удерживали свою самостоятельность, и всегда напередъ соразмѣряли свои силы съ силами противниковъ, и потомъ уже свободно объявляли своимъ Князьямъ о готовности, или невозможности вспомошествовать имъ. Такъ Кіевляне нѣсколько разъ принуждали Изяслава оставлять Кіевъ, видя перевѣсъ силы на сторонѣ Изяславовыхъ противниковъ; а когда усиливался Изяславъ, то оставляли Юрія и тайно приглашали Изяслава. А Черные Клобуки прямо говорили Изяславу, видя малочисленность его дружины: «Княже, у тебе мало дружины, не погуби насъ, ни самъ не погуби; но ты нашъ Князь, коли силенъ будещи, а мы съ тобою, а пинѣ не твое веремя, поѣди прочь» (Ипат., стр. 51). И подобныя поступки городовъ ни мало не почитались измѣною; родовые Князья, перехватывая города другъ у друга, ни мало не сѣтовали за ихъ привязанность или усердіе къ своимъ противникамъ, и никогда не мстили имъ. Такъ между Изяславомъ и Юріемъ Кіевъ со

всѣми своими пригородами переходилъ до семи разъ, и ни разу не подвергался мести и разграбленію; Князья искали только имущества противниковъ, а до гражданъ не касались; ибо считали ихъ общемою родовою собственностію. Такъ Изяславъ въ 1150 году говорилъ Дорогобужцамъ, испугавшимся Угровъ, которые шли съ нимъ: «Язъ вожаю Угры и всѣ земли, но не на свои люди, но кто ми верогъ, на того вожаю; а вы ся не виняйте ни во что же.» (Ипат., 54). То же Юрій говорилъ Бѣлогородцамъ въ 1151 году, державшимся Изяслава: «Вы есте людѣ мои; а отворите ми градъ.» На что, впрочемъ, они, зная неудачу Юрія подъ Кіевомъ, отвѣчали, какъ Кіевскій пригородъ: «а Кіевъ ти сякое отворилъ?» (Ипат., 62). Но не такъ поступали чужеродные Князья; Владиміръ Галицкій, приходившій въ Придѣпровье на помощь къ Юрью, по занятіи Изяславомъ Кіева, возвращаясь домой, побралъ большіе окупы со всѣхъ, лежавшихъ по дорогѣ, городовъ: «Володимеръ же поймавъ серебро (съ Мицьска) и пойдс, тако же емля серебро по всимъ градомъ, оли и до своей земли.» (Ипат., 56).

Кончина Изяслава рѣзко обозначаетъ значеніе Придѣпровскихъ городовъ и отношенія къ нимъ Князей. Старикъ Вячеславъ, встрѣчая Изяслава брата, Ростислава, призваннаго изъ Смоленска въ Кіевъ, говорилъ ему: «Сыну, се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити; а, сыну, даю тобѣ, яко же братъ твой держалъ и рядилъ, тако же и тобѣ даю;... а се полкъ мой и дружина моя, ты ряди.» Кіевляне же, возводя Ростислава на Кіевскій престолъ, говорили: «Яко же братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, тако же и ты, чести; а до твоего живота Кіевъ твой.» Очевидно, что, граждане сами возводили своихъ Князей на престолъ, и отдавались имъ только по жизни: *а до твоего живота Кіевъ твой.* Посему владѣнія отнюдь не были наследственными; следовательно, пресмство Княжеской власти зависѣло отъ народа, который, впрочемъ, всегда старался ограничивать свой выборъ своими родовыми Князьями, и только въ крайности, застигнутый обстоятельствами, иногда принималъ Князей изъ другаго рода, какъ скоро увидимъ на дѣлѣ. Ненаслѣдственность Княжеской власти и необходимость народнаго согласія на занятіе престола еще яснѣе выразились по смерти Вячеслава. Когда Ростиславъ, помня слова Кіевлянъ, сказанныя при жизни Вячеслава: *а до твоего живота Кіевъ твой,* не думалъ требовать вторичнаго согласія отъ народа, и началъ готовиться къ походу на Черниговъ (ибо войска и союзники были уже собраны и стояли въ полѣ), та.

совѣтники сказали ему: «Се Богъ поялъ строя твоего, Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми Кіевъ не утвердилъ; а поѣди льбиле въ Кіевъ, же съ людьми утвердися; да аче стрый придетъ на тя Дюрги, попе ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися, пакы ли а рать зачнеши съ нимъ.» (Ипат., 76). Следовательно, безъ утвержденія отъ народа на Княжескомъ престолѣ, Князь не могъ ни заключать мира, ни вести войну, хотя бы и имѣлъ при себѣ городскую рать. Ростиславъ, разбитый подъ Черниговымъ, не утвердясъ съ народомъ, не смѣлъ уже воротиться въ Кіевъ и ушелъ въ свой родовой Смоленскъ. А Кіевляне, оставшись безъ Князя и боясь Половецкаго набѣга, по неволѣ должны были пригласить чужеродца, Черниговскаго Князя, Изяслава Давыдовича, и отправили къ нему Епископа Каневскаго, Демьяна, который говорилъ Князю отъ лица народа: «Поиди Кыеву, ать не возмутъ насъ Половцы.» (Лавр., 147). Здѣсь самая форма приглашенія, *ать не возмутъ насъ Половцы*, ясно обличаетъ, что одна только необходимость вынудила Кіевлянъ на таковой призывъ чужероднаго Князя, и что этотъ призывъ былъ не болѣе, какъ на время, пока не подойдетъ родовой Князь, какъ и оправдалось на самомъ дѣлѣ. При первомъ появленіи Юрья Владиміровича Суздальскаго Изяславъ долженъ былъ оставить Кіевъ, и даже нашелъ нужнымъ оправдываться передъ Юріемъ: «Щи самъ есмь ѡхаль Кіевъ? Посадили мя Кіяне, а не сотвори ми пакости.» (Ипат., 77).

Замѣчательно, что Юрій, требуя отъ Изяслава, чтобы онъ вышелъ изъ Кіева, говорилъ: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ.» Здѣсь, по словамъ самаго Юрія, всѣ права его на Кіевъ ограничивались тѣмъ, что Кіевскимъ Княземъ былъ его отецъ, и что Изяславовъ отецъ не княжилъ въ Кіевѣ: *мнѣ отчина, а не тебѣ*. Въ этомъ смыслѣ Русскіе Князья называли отчиною и Новгородъ великій; такъ въ 1178 году братья говорили Мстиславу Ростиславичу о Новгородѣ «Брате! аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо щи не наша отчина.» (Ипат., 120). Слово *отчина* здѣсь отнюдь нельзя принимать въ смыслѣ наследственной собственности, какъ позднѣе стало приниматься слово *вотчина*; этого не допускаетъ смыслъ всѣхъ летописей. Наследственная собственность тогда называлась *жизнію, селомъ, своимъ*: такъ въ 1150 году Изяславъ въ своей рѣчи къ дружинѣ ясно отличаетъ вотчинныя наследственныя владѣнія отъ Княжеской отчины: «Вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли вышли, *своихъ селъ и своихъ жизній* лишився, а язъ на-

кы своя дѣдины и отчины не могу перерѣти, но любо голову свою сложаю, паки ли отчину свою налѣзу и вашию всю жизнь.» (Ипат., 54). Или о наследственныхъ вотчинахъ Ярополка Изяславича подѣ 1158 годомъ лѣтопись говоритъ: «Сій бо Ярополкъ вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую, и около Кіева,» т. е., отдалъ всѣ вотчины въ Печерскій монастырь (Ипат., 82). Или Владиміръ Мстиславичъ въ 1171 году говорилъ Дорогобужской дружинѣ Владиміра Андреевича: «Не позрѣти ми лихомъ, ни на ятровь свою, ни на села еѣ, ни на ино что же.» (Тамъ же, 101).

Юрій, хотя нелюбимый Кіевлянами, а какъ родовой Князь, былъ принятъ народомъ съ радостію и владѣлъ спокойно до своей кончины (т. е., три года); но конечно, онъ болѣе держался своею дружиною, приведенною изъ Суздаля; и гражданае, освобожденные его смертію, въ самый день похоронъ произвели свою управу съ Княжею дружиною; лѣтопись описываетъ это слѣдующимъ образомъ: «Разграбиша дворъ его Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же звашеть самъ раемъ, Василковъ дворъ сына его разграбиша въ городъ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабаче.» (Ипат., 81). Избавившись отъ Юрія, и не находя по сердцу ни одного изъ родовыхъ Князей вблизи, Кіевляне опять обратились къ знакомому уже имъ, Изяславу Давыдовичу, Князю Черниговскому, и сказали: «Поѣди, Княже, Кіеву, Гюрги ти умерлъ.» Кіевскій народъ, довольный Изяславомъ, оставался спокойно въ продолженіи семи мѣсяцевъ, пока Мстиславъ Изяславичъ, пользуясь его ссорою съ родичами, Князьями Черниговскими, не выгналъ его оттуда при помощи Берендѣевъ.

По изгнаніи Изяслава Давыдовича, Мстиславъ отдалъ Кіевъ дядѣ своему, Ростиславу Смоленскому, какъ старшему въ Мономаховомъ родѣ. Ростиславъ, имѣя себѣ врага въ Изяславъ Давыдовичъ, вступилъ въ союзъ съ Черниговскимъ Княземъ, Святославомъ Ольговичемъ; но Кіевляне, нерасположенные къ чужероднымъ Князьямъ, и даже опаясь ихъ, потребовали, чтобы, Ростиславъ, въ обезпеченіе искренности Князя Черниговскаго, взялъ заложникомъ его сына въ Кіевъ, и тогда только обѣщались вступить въ союзъ съ Святославомъ, на что и согласился Ростиславъ: вотъ слова лѣтописи: «Ростиславъ бяше поля у Святослава Всеволода сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣв, блуху бо не вѣрующе.» (Ипат. 86). Этотъ фактъ служитъ новымъ

доказательствомъ, что граждане и Князь составляли двѣ разныя стороны, изъ коихъ каждая имѣла свое самостоятельное значеніе; и Князь безъ согласія народа не могъ разполагать его силами и не могъ сътовать на народныя требованія и объявлять ихъ противозаконными.

Князья, какъ оберегатели народнаго благосостоянія, заботились о процвѣтаніи городовъ, и даже, въ защиту городскихъ выгодъ, иногда употребляли военную силу. Такъ 1167 году Ростиславъ Кіевскій посылалъ войско въ степи для встрѣчи и защиты Русскихъ купцовъ, шедшихъ изъ Греціи, которыхъ тревожили Половцы. Объ этомъ говоритъ лѣтопись: «Се же увѣдавши Половци, оже Князи не въ любви живутъ, шедше въ пороги, начаша пакостити Гречникомъ; и посла Ростиславъ Володислава Лиха съ вой, и възведоша Гречники.» (Ипат., 93). А въ слѣдующемъ году Князья сами ходили встрѣчать купеческіе караваны изъ Греціи: «И стояша у Канева долго веремя, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолъ възвратишася въ свояси.» (Тамъ же). Также Мстиславъ Изяславичъ созывалъ Князей противъ Половцевъ изъ видовъ свободной торговли народа; говоря: «Братья! пожалѣте си о Руской земли, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжъ свои; а уже у насъ и Гречскій путь, изьотимають, и Соляный, и Залозный; а льпо ны было, братье, поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести.» (Тамъ же 97).

Приверженность городовъ къ своимъ Князьямъ родовымъ и долго у нихъ княжившимъ всего лучше выразилась въ встрѣчѣ Ростислава Смольнянами, когда онъ 1168 году шелъ изъ Кіева въ Новгородъ: лучшія фамиліи въѣхали къ нему на встрѣчу за 300 верстъ и потомъ вышли едва не весь городъ (Ипат., 94).

По смерти Ростислава Кіевляне и Черныя Клобуки послали во Владиміръ Волынской просить Мстислава Изяславича въ Кіевъ; съ тѣмъ же послали къ нему и его братья. Мстиславъ, хотя съ радостію былъ встрѣченъ въ Кіевѣ, какъ сынъ любимаго Изяслава, вызванный самимъ народомъ, но тѣмъ не менше онъ долженъ былъ вступить въ договоръ съ гражданами въ самый же день вступленія въ Кіевъ, точно такъ же, какъ онъ въ то же время договаривался съ Князьями братьями и съ дружиною Ростислава. Вотъ слова лѣтописи: «А въ Кіевъ взиде, ту выидоша Кіеве вси. Възма рядъ съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны въ тѣ день.» (Ипат., 96). Конечно, съ братьями онъ договаривался о волостяхъ, съ дружиною о ея содержаніи, но въ чемъ же былъ договоръ съ гражда-

нами? Очевидно въ границахъ правъ Княжеской власти, согласно исконному порядку. Это одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о самостоятельности старыхъ Приднѣпровскихъ городовъ, которые если иногда и уступали обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе всегда сознавали свои права и свое значеніе. Здѣсь мы видимъ ясно, что Кіевляне на одинаковыхъ правахъ съ Князьями договариваются съ Великимъ Княземъ.

Избраніе Мстислава было послѣднимъ для Кіева; въ 1171 году Кіевъ былъ взятъ приступомъ и навсегда потерялъ свою самостоятельность. Дѣло было слѣдующимъ образомъ: любимецъ Кіевлянъ, Мстиславъ Изяславичъ, вооружилъ противъ себя Андрея Юрьевича Боголюбскаго и почти всѣхъ Князей. Кіевляне рѣшились защищать его до послѣдней крайности и, по взятіи города, испытали на себѣ ненависть другихъ городовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Князьями. Лѣтописецъ говоритъ, что Смольняне, Суздальцы, Черниговцы и Ольгова дружина грабили весь городъ два дни, разоряли церкви, монастыри и дома гражданъ, по словамъ лѣтописи «не бысть помилованія никому же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другимъ влжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнь, разлучаеми нужею отъ мужіи своихъ, младенцы рыдаху, зряще матерій своихъ.» (Ипат. 100). Это ужасное взятіе Кіева было первымъ, небывалымъ для Кіевлянъ, о чемъ прямо свидѣтельствуетъ Лаврентіевская лѣтопись: «взяна Кіевъ, его же не было никогда же.» (Лавр. 151). Слѣдовательно, всѣ прежнія вступленія Князей въ Кіевъ были съ согласія самихъ Кіевлянъ.

Такимъ образомъ, со взятіемъ Кіева въ 1171 году кончилась исторія самостоятельности этого города, Кіевъ болѣе уже не воскресалъ, а въ слѣдъ за нимъ мало по малу покорились Князьямъ и прочіе города Приднѣпровья; долѣе всѣхъ держались Черниговъ и Смоленскъ; ихъ самостоятельность совершенно уничтожили уже Монголы и Литовскіе Князья. Чтобы яснѣе понимать исторію самостоятельности Кіева, я нѣсколько продолжу исторію этого города послѣ его паденія. Мстиславъ Андреевичъ, предводитель войскъ Боголюбскаго, посадилъ тамъ Княземъ Гльба Юрьевича, не справляясь съ волею гражданъ. Во время отсутствія Гльба въ Суздаль Кіевляне опять было пригласили Мстислава Изяславича, который, вошедши въ Кіевъ, по прежнему заключилъ договоръ съ гражданами: «вземъ ряды съ братіею и съ Кіанью» по Мстиславъ не могъ уже удержаться въ Кіевъ. А возвратившій-

ся Глѣбъ не думалъ спрашивать о желаніи гражданъ, и всего ждалъ только отъ своей дружины и отъ разпоряженій Суздальскаго Князя, Андрея. Въ такихъ же отношеніяхъ къ Кіеву былъ переемникъ Глѣбовъ, Владиміръ, и потомъ Романъ Ростиславичъ, съдѣлавшійся Кіевскимъ Княземъ по волю Андрея Боголюбскаго. Андрей прислалъ къ Ростиславичамъ сказать: «Нарекли мя есте собѣ отцемъ, а хочю вы добра, а даю Романови, брату вашему, Кіевъ.» (Ипат., стр. 107). О согласіи гражданъ тутъ не было и помину. Точно также въ 1174 году Князья, воевавшіе подъ Вышгородомъ изъ за владѣнія Кіевомъ, вовсе не заботились спрашивать Кіевлянъ, кого они хотятъ. Ростиславичи въ самомъ воинскомъ станѣ уступили Кіевъ Ярославу Изяславичу, тогда какъ Кіевское войско съ Михаиломъ Юрьевичемъ находилось въ стану противниковъ. При вступленіи Ярослава въ Кіевъ лѣтописецъ уже не упоминаетъ ни о радости, ни о неразположеніи Кіевлянъ: «Вниде Ярославъ въ Кіевъ и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего.» (Ипат., стр. 110). Святославъ Всеволодичъ напалъ на него ночью и выгналъ изъ Кіева, но, захвативъ его жену, сына, дружину и имѣніе, возвратился въ Черниговъ. О семъ узнавши Ярославъ, немедленно вошелъ въ Кіевъ и, обвиняя Кіевлянъ въ измѣнѣ, «попрода всѣ Кіевъ, игумены, и попы, и черныцъ, и черныцъ, Латину, и гости, всѣ Кыяны, река имъ: подвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чимъ выкупити Княгиню и дѣтя.» (Тамъ же). И что же? Порабощенный Кіевъ сносилъ всѣ несправедливыя обвиненія и тягостныя поборы; Кіевляне даже не знали, что отвѣчать Князю на его обвиненія: «Онѣмъ же неумѣющимъ, отвѣцати ему,» говоритъ лѣтопись, тогда какъ лѣтъ за семь еще ни одинъ Князь не осмѣлился бы намекнуть Кіевлянамъ объ измѣнѣ, когда они откровенно говорили Князю: «Иди отъ насъ!» или: «Приходи послѣ, когда будетъ твое время, а теперь мы за тебя не бѣемся,» или: «Ты неугоденъ намъ.» Но, кажется, уже довольно противоположностей въ сравненіи съ прежнимъ, независимымъ, состояніемъ Кіева, а еще не прошло и трехъ лѣтъ послѣ вступленія въ Кіевъ войскъ Боголюбскаго въ 1171 году.